

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Т. И. КРАСНОВОЙ
«ДРУГОЙ ГОЛОС: АНАЛИЗ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1917-1920 (22) ГГ.»**

Ю. В. Зобнин

*Санкт-Петербургский
гуманитарный
университет
профсоюзов*

*e-mail:
jurijzobnin@yandex.ru*

Книга Т. И. Красновой содержит теорию «оппозитивного газетного дискурса», изложенную автором с опорой на труды представителей французской школы дискурсного анализа, а также характеристику малоизученной газетной периодики раннего периода существования русского зарубежья 1917–1920 (22) годов как яркий образец указанного дискурса.

Ключевые слова: дискурсный анализ, история русского зарубежья, Первая мировая и Гражданская войны, газетная периодика, идеология, феномен Другого, лингвистика, оппозитивность, модализация.

Предложенная в книге теория отмечена нетривиальной трактовкой «субъективированности» феномена идеологии как *Другого* в газетном дискурсе, когда идеи рассматриваются как «вещи», которые используются субъектами сугубо прагматически, а субъект понимается как символический объект, носитель группового сознания» [6, с. 28]. В научный оборот введен массив ранее не изучавшихся или «однобоко изученных эмигрантских газетных текстов», а также поставлена «проблема изучения совокупности *идеологически неоднородной* продукции газет зарубежья за короткий и насыщенный экстраординарными событиями период» [6, с. 27; курсив автора].

С точки зрения историка литературы, работа Т. И. Красновой оказалась биполярна и разнонаправленна, подобно нашему державному символу. С одной стороны, проведенное исследование междисциплинарно по своей направленности и актуально не только для социолингвистики, но и для теоретического языкознания, равно как и для истории российской печати. Оно формирует представление о журналистском наследии эмиграции, не безразлично для «теории журналистики», а также «истории культуры» и «культурологии»*. С другой стороны, до конца остался неразрешенным вопрос: является ли привлеченный историко-литературный материал средством для подтверждения правоты теории дискурса, выведенной из трудов Р. Барта, М. Фуко, М. Пешё, Ж. Отье-Ревю и др., или же сама эта теория оказалась необходима, чтобы придать рассказу об истоках журналистики русского зарубежья завершённую стройность, целостность и глубину. Для того, чтобы оценить результат работы Т. И. Красновой, кажется уместным восстановить первичную композиционную логику исследовательской работы – так, как она видится стороннему читателю этого труда.

Традиционно историю русского зарубежья начинали подробно описывать со второй половины 1920 года, т. е. с того момента, когда с падением врангелевского Крыма и заключением советско-польского перемирия завершаются сражения Гражданской войны, утверждается «совдеповская» РСФСР и происходит массовый исход на чужбину потерпевших поражение «белых». В этот же год в Париже начинают выходить «Последние новости», а в Берлине – «Руль», что обычно интерпретируется как веха в истории собственно эмигрантской журналистики. Однако оформлению русского зарубежья (и его газетной журналистики, в частности) предшествовал период становления, приходящийся на годы революции и тотальной Гражданской войны (1917–1920 гг.). Именно этот период и стал предметом изучения Т. И. Красновой и созданная ею картина современной ему российской зарубежной журналистики – выше всяких похвал. По крайней мере, более полного и со-

* Краснова Т. И. Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг. СПб., 2011. Раздел I «Теоретические основы изучения дискурса о России в газетах русского зарубежья» – С. 25 – 327.

держательного очерка деятельности русских газет за рубежом в эти годы на настоящий момент нет. Более того, речь, на мой взгляд, идет о подлинном открытии Т. И. Красновой в плане научной методики исторического описания русского зарубежья, о чём следует сказать несколько слов подробнее.

Дело в том, что исследование ранней эмигрантской газетной периодики, неизбежно приводило к изучению самой механики формирования феномена «зарубежья» в сравнении с уже существовавшими на момент революционных потрясений 1917 года российскими *диаспорами*. Некоторые из тех печатных органов, которым в исследовании уделено основное внимание, например харбинская «Маньчжурия», американский «Новый мир», шведский «Скандинавский листок», существовали как периодические издания этих диаспор до революционных катаклизмов на исторической родине. Другие были созданы в канун революции, в целях, непосредственно не связанных с политической борьбой в России (например, чикагский «Голос труженика» и нью-йоркская «Народная газета», ориентированные на задачи российской общественности в самой Америке). Именно на материале подобных газет и прослеживается автором исследования процесс *отчуждения России от россиян*, находящихся за рубежом и превращение этих россиян в «русских эмигрантов» – совершенно особую группу в мировой этносоциальной картине XX века.

Традиционно средоточием русского зарубежья считаются европейские страны – Франция, Германия, Чехия и балканские государства, а «столицей» эмиграции – Париж. Но исходная картина, как показывает автор исследования, была совершенно иной. Самая большая российская диаспора существовала тогда не в Европе, а в Азии, в Маньчжурии, на территории КВЖД с административным центром в Харбине. Миграцию россиян сюда в конце XIX – начале XX века сложно однозначно определить как «эмиграцию» в полном смысле слова, ибо речь шла о присутствии их близ восточных российских границ в качестве полноправных участников общероссийского исторического процесса. Далее следовала опять-таки не Европа, а Америка, в отношении которой речь шла уже о подлинной эмиграции, но вызванной не только (и не столько) политическими, сколько экономическими причинами. В годы Первой мировой войны возникает небольшая, но организованная и влиятельная группа россиян-предпринимателей, действовавшая в нейтральных странах Северной Европы, прежде всего в Швеции, через которую после возникновения Восточного фронта осуществлялось экономическое сообщение России с союзным Западом. Что же касается самой воюющей Европы, то организованное и массовое присутствие тут русских в миг революционной катастрофы было малозаметно – за исключением Германии, где содержались военнопленные, и, в какой-то мере, Франции с её «русскими парижанами» и российским экспедиционным корпусом, прибывшими в 1916 г. Соответственно и русскоязычная зарубежная пресса концентрировалась преимущественно в Маньчжурии и Америке (Северной и Южной), где ещё до войны существовали издания, ориентированные на участников местных диаспор. В военные годы (1915–1916) к этим газетам добавляется берлинский «Русский вестник» – пропагандистское издание германского Генштаба, стокгольмский «Скандинавский листок», которому как уникальному образцу ранней эмигрантской коммерческой газеты в книге уделяется особое внимание, и мимолётное издание «Русский солдат-гражданин во Франции», почему-то даже не упомянутое диссертантом (это замечание). Наконец, весной 1918 года из Петрограда через Финляндию и Швецию в Париж бежит В. Л. Бурцев, который возобновляет во Франции ранее выходившую тут в 1909–1910 гг. газету «Общее дело», уже целиком ориентированную на политические события разгоравшейся в России Гражданской войны и предназначенную для прибывающих в Центральную Европу российских читателей-эмигрантов, ещё сохранявших надежду на скорое возвращение.

Поэтому-то свой общий обзор российской зарубежной печати 1917–1920 гг. Т. И. Краснова, первая среди всех исследователей русского зарубежья, начинает с малоизученных дальневосточных газет, затем переходит к американским изданиям (практически, «белое пятно» в истории русского зарубежья), выделяет в отдельную главу скандинавскую тему («белое пятно», без всяких оговорок), и лишь потом переходит к Европе, где только-

только начиналось присутствие хорошо знакомых всем «белых эмигрантов» (употребляю это сочетание в самом общем его значении) с их специфической журналистикой.

Как убедительно показывает Т. И. Краснова восприятие драматических изменений в историческом бытии России 1917 – 1918 гг. и прежде всего восприятие «большевизма» в прессе этого «предзарубежья» было разным в разных его географических областях и зависело от специфики русского обитания в них. Технические специалисты и чиновники в Харбине относились к происходящему в русской столице и российской европейской метрополии настороженно–иронически и скептически («умеренный антибольшевизм», согласно терминологическим характеристикам исследования), рабочая эмиграция в Америке рассматривала происходящее на родине с позиции собственной профсоюзной борьбы и приветствовала большевиков, коммерсанты в Стокгольме стремились не замечать трагические «издержки» деяний новой российской власти, рассчитывая на развитие деловых связей в будущем, военнопленные в Берлине с указания германских пропагандистов внедряли мысль о предпочтении «здоровомыслящих» пацифистов-большевиков «безответственному» Временному правительству, заявившему о верности союзу с Антантой, а появившиеся в Париже беженцы отчаянно звали к непримиримой борьбе с «красной заразой». Это и было эмбриональным началом всех будущих направлений в эмигрантской идеологии – «непримиримых», «сменовеховцев», «евразийцев», «советских патриотов» и т. д. Вот тут-то, при описании рождения русского зарубежья (в частности, «журналистского зарубежья» как некоей целостности) для исследователя, по-видимому, и встал вопрос о газетном дискурсе особого рода, который Т. И. Краснова обозначила как «оппозитивный дискурс».

Теоретическим положениям указанного дискурса, восходящим к общему пониманию дискурсивности французскими социолингвистами, посвящена первая глава первого раздела книги *«Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса»* [6, с. 36 – 65]. Здесь информация о главном предмете исследования – журналистике раннего русского зарубежья – оказывается после заманчивого для историка литературы «Введения» отделенной от заинтересовавшегося было читателя терминологической «стенной» из области лингвистики и дискурсологии. Разумеется, предварительная разработка исследовательского инвентаря принятого в дальнейшем метода междисциплинарного дискурсного анализа, осуществлённого на основе наиболее актуальных направлений современной социальной лингвистики, политической филологии, семантики, прагматики, является необходимым и уместным прологом к исследованию. Однако все же предполагается лаконичная краткость в отношении уже имеющихся и принимаемых автором положений и формулировок, особых указаний на собственные новации в этой области. Между тем автор предлагает читателю множество выдвигаемых теоретических установок, и они аргументируются грандиозной системой ссылок на многочисленные работы предшественников, вызывающей в памяти схоластические дискуссии в средневековых университетах. Можно сказать, что повествование Т. И. Красновой о дискурсе вообще и о журналистском дискурсе, в частности, оказалось слишком... экскурсивно. Без активного присутствия автора не совсем понятно различие между исследователем и предшественниками. Не являясь экспертом в лингвистической стороне вопроса, ограничусь лишь кратким экскурсом прочитанного.

Если в первых архаических риториках дискурсивность понималась только как аргументированность и системная стройность высказывания, то, по мере расширения научных представлений о природе коммуникации, она стала выступать как его заданность, причем природа этой заданности, во многом, оказывалась экстралингвистического толка. С другой стороны, и «текстовая» часть такого высказывания далеко не исчерпывала его содержания, совсем по знаменитому речению горьковского Луки: «Не в слове дело, а – почему слово говорится». Применительно к газетному дискурсу можно утверждать, что, по мере превращения СМИ в «четвёртую власть», любая информация, передаваемая тем или иным изданием, неизбежно подвергалась существенной трансформации, порождаемой спецификой самого бытия данного издания в конкретных исторических условиях. В частности, в эпохи общественно-политической напряженности в деятельности СМИ ярко проявляется «оппозитивность» дискурса. Оппозитивность в газете обозначает «идеологиче-

скую модализацию» как признак дискурса в аспекте его отношений с «другим»; модализацию, которая вносит в «речевое тело» газетного дискурса структуру противоположения [6, с. 107]. Так, например, «прочиталась» враждебными французской Второй Империи прусскими газетами в 1870 году достаточно миролюбивая «Эмская депеша», превращённая их стараниями, как известно, в повод для франко–прусской войны. Если же говорить о русских газетах за рубежом в 1917–1920 гг., то превращение их дискурса о России в «оппозитивный» как раз и стало процессом их превращения в «газеты зарубежья», который завершился в начале 1920-х годов возникновением журналистики, альтернативной журналистике советской метрополии.

Отметим 5-ю главу исследования под названием «Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья» [6, с. 226 – 327]. Здесь подробно описывается инструментарий, который использовался различными изданиями в раннем эмигрантском дискурсе о происходящем на родине, и производимые этим инструментарием семантические эффекты. «Опорными вехами» газетного дискурса становятся насыщенные оппозитивными представлениями концепты «Россия», «большевизм», «война», «болезнь». Они составляют в ментально–психологическом пространстве эмигрантского газетного дискурса область глобальной концептуализации [6, с. 321]. В итоге жизнь в метрополии оказывается опознанной большинством представителей зарубежной журналистики как нечто изначально «Другое» – недолжное, странное, опасное, непонятное, болезненное и, главное, чужое. Это понимание России как «Другого» сохраняется и в изданиях, комплементарных большевикам (например, в чикагской «пробольшевистской» газете «Голос труженика»), что достигается посредством идеализации и социалистической риторики, мало связанной с российской реальностью времён Гражданской войны. Зарубежье становится Зарубежьем. Эта глава, насыщенная многочисленными примерами, извлечёнными из различных публикаций, производит сильное и благоприятное впечатление. Однако и тут следует указать на некоторую несообразность композиционного характера: о самих изданиях, специально помеченных автором как умеренные или радикальные «пробольшевистские» и, соответственно, «антибольшевистские», читатель пока еще не имеет представления – подробная их характеристика находится в Разделе II. В этом же разделе [6, с. 379 – 381] читателя ожидает и очень любопытная «семиотическая модель оппозитивности» газет русского зарубежья, выстроенная автором с помощью методической концепции А.-Ж. Греймаса [4] как раз на основе отношения газет к большевизму. Удобная в практическом использовании модель фиксирует универсальный вид квалификации идеологических расхождений в печати [6, с. 439 – 440]. Но для того, чтобы оценить глубину сделанных автором наблюдений и выводов приходится постоянно возвращаться к уже прочитанному, восстанавливая прерванную связь. Однако результаты этого постоянного возвращения, как нам кажется, искупают все композиционные неудобства книги Т. И. Красновой.

Подытоживая сказанное, заключим, что Т. И. Краснова написала очень яркую и ценную книгу о русском зарубежье, восстановив в истории эмигрантской журналистики целый этап его существования – самый ранний период её эмбрионального бытия. Исследование эмигрантской прессы в рассматриваемой книге касалось тем, актуальных для понимания всего феномена зарубежья в целом. Приятно, что по итогам исследования издана прекрасная книга, которая, несомненно, войдёт в корпус текстов, обязательных для ознакомления любому специалисту, обращающемуся к теме эмиграции «первой волны». Безусловно, результаты и выводы исследования Т. И. Красновой могут быть с успехом использованы в курсах истории русской журналистики XX в. и в курсах теории журналистики.

Следует указать также, что исследование «оппозитивного дискурса» в газетах минувших эпох, несомненно, актуально для изучения и понимания процессов, происходящих в журналистике современной России, переживающей не самый благодатный общественно-политический момент в своей истории. «Нельзя не сказать о власти дискурса, под влиянием которого находится человек, – пишет Т. И. Краснова в «Заключении» работы. – Дискурс способен изменить среду, группу, общество. Угроза влияния дискурса возрастает, если он насаждается признанной властью. Существует мнение, что, находясь в дискурсе власти, русские в XX

в. пережили разорение во второй раз» [6, с. 512]. Как кажется, изучение подобного исторического опыта служит тому, чтобы нам не пережить разорение и в третий раз.

Что касается основных недостатков работы, то они заключаются, прежде всего, в композиционных, а иногда и стилистических недочётах, затрудняющих восприятие целого. Особенно это касается теоретических изысканий автора в лингвистических областях, где уместнее было бы, конечно, подробно остановиться лишь на оригинальных авторских новациях, непосредственно связанных с исследованием и его методикой.

Помимо того, можно указать ещё на два проблемных, на мой взгляд, момента в работе Т. И. Красновой.

Первый связан с обращением автора исследования исключительно к коллекциям эмигрантской периодики в петербургских хранилищах. С одной стороны, это придаёт работе дополнительную целостность, делая её ещё и описанием этих коллекций. В общем, можно признать, что для заявленной темы исследования состав петербургских коллекций является репрезентативным. Однако расширение исследовательской базы за счёт хотя бы Москвы могло, возможно, дать дополнительные материалы, углубляющие работу, особенно если издания представлены в местных хранилищах разрозненными экземплярами.

Второй касается хронологии рассматриваемого автором периода. Львиная доля работы посвящена 1917 – 1920 гг., тогда как 1921 – 1922 упоминаются фрагментарно. Это, кстати, зафиксировано и в «Заключении», где говорится о «содержании газетного дискурса русского зарубежья 1917 – 1920 (22) гг. на тему России» [6, с. 512]. Скобки здесь, разумеется, возникли не случайно. Два года, предшествующие Раппальскому договору, вообще являются проблемными для ранней истории как эмиграции, так и РСФСР. Возможно, их следует рассматривать как особый этап в отношении к эпохе открытого гражданского противостояния 1917 – 1920 годов. Т. И. Краснова также упоминает о периоде закрепления советской власти в России и даже рассматривает две газеты, иллюстрирующие «перемены в отношении к большевизму <...> в идеологии послевоенного газетного дискурса» – бессарабское «Новое слово» и нью-йоркское «Новое русское слово» [6, с. 442 – 446], а также упоминает рижский «Новый путь» как «один из ранних рупоров новых, сменовеховских традиций» [6, с. 441]. Но ведь главный «рупор сменовеховства» – газета «Накануне» – появилась в марте 1922 г., т. е. формально также входит в обозначенный период. Не говоря уже о том, что с апреля 1920 года выходят «Последние новости», а с ноября того же года «Руль», очевидно внесшие какую-то лепту в содержание газетного дискурса на тему России. Но об этих «трёх китах» эмигрантской периодики в работе не упоминается вовсе. Разумнее было бы установить 1920 год верхней временной границей исследования, выход за которую (если это необходимо) оговаривать особо.

Тем не менее, все высказанные замечания не мешают признать книгу Т. И. Красновой исследованием, существенно расширяющим наше представление о журналистике русского зарубежья и о его истории.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы : семиотика и поэтика / Р. Барт. М. : Прогресс, 1994.
2. Зобнин Ю. В. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста) // Русская литература. 1993, № 4 – С. 176 – 192.
3. Зобнин Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева) // Н. С. Гумилев : pro et contra. СПб., 1995 – С. 5 – 52.
4. Греймас А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. Л. Зиминой. – М. : Академ. Проект, 2004.
5. Греймас А.-Ж. Семиотика страстей : от состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. / А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
6. Краснова Т. И. Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб. : Изд-во «Северная звезда», 2011.
7. Краснова Т. И. Дискурс о России в газетах русского зарубежья 1917 – 1920 гг. – Saabrücken: LAP LAMBERT. 2013.
8. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. В. П. Визигина; общ. Ред. Б. Левченко. Киев : Ника-Центр, 1996.

REVIEW OF THE MONOGRAPH OF T. I. KRASNOVA «ANOTHER VOICE: AN ANALYSIS OF NEWSPAPER DISCOURSE OF RUSSIAN EMIGRES IN 1917 – 1920 (22) YEARS»

Y. Zobnin

*Saint-Petersburg
Humanitarian University
of trade unions*

e-mail:

jurijzobnin@yandex.ru

The book by T. I. Krasnova contains the theory of "opposition newspaper discourse", as stated by the author, based mainly on the works of the French school of discourse analysis as well as the obscure newspaper periodicals of the early period of the existence of the Russian diaspora 1917-1920 (22) as a striking example of the discourse.

Keywords: discourse analysis, Russian diaspora, history, first world and the civil war, newspaper periodicals, ideology, phenomenon of "the other", Linguistics, oppositivnost', modalization.